

И. А. Бунин писал Г.: «Все еще вспоминаю порой Ваш роман — сколько в нем совершенно прекрасных страниц». В то же время Бунин упрекнул Г. «за вздохи по братоубийственной войне»: «Что же, надо покорно подставлять голову Каину? Я вздыхаю о другом — о том, что Авель не захотел или не успел проломить ему башку булыжником...» (Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952. С. 5).

В 1948 Г. создал демократическую группу «Российское движение», призванную помогать соотечественникам, оказавшимся после Второй мировой войны в эмиграции, начал издавать ж. «Народная правда». В 1950 он переезжает на постоянное место жительства в США, где продолжает издавать ж. «Народная правда». С 1959 — Г. член редакции, а с 1966 — главный ред. «Нового ж.», одновременно — главный ред. нью-йоркского отдела радиостанции «Свобода». В «Новом ж.» Г. напечатал множество своих статей и рецензий о совр. русской лит-ре. Самые значительные из них составили два лит.-критических сб.: «**Одвуконь: Советская и эмигрантская лит-ра**» (1973) и «**Одвуконь-2**» (1982).

В 1968 Г. (совм. с В. Тривасом) написал пьесу «**Товарищ Иван**», которая «в развенчании террористического периода русской революции <...> идет дальше всего, что было в литературе до сих пор» (Ульянов Н.— С. 295).

В 1978 Г. начал публиковать в «Новом ж.» свой 3-томный труд «Я унес Россию: Апология эмиграции». Вскоре она вышла отдельным изданием в нью-йоркском изд-ве «Мост» (Т. 1. «**Россия в Германии**», 1981; Т. 2. «**Россия во Франции**», 1984; Т. 3. «**Россия в Америке**», 1989). Книга выходит за рамки мемуарного жанра и представляет собой своеобразную документально-худож. летопись культурной и общественно-политической жизни русской эмиграции Европы и Америки, написанную с той целью, чтобы служить «неким справочником по истории зарубежной России» (Я унес Россию. Т. 1. С. 114).

Через все творчество Г. проходит сквозной, объединяющий его книги мотив — «мотив развенчания революции». Едва ли не в каждом произведении писателя «показываются ее какие-нибудь отталкивающие стороны» (Ульянов Н.— С. 294). Творческая индивидуальность Г.-прозаика наиболее ярко проявилась в документально-исторических жанрах. «В Гуле всегда боролись,— писал Б. Филиппов (Филистинский),— временами отесняя друг друга, сухой поневоле (разве охватить все факты!) документалист-историограф и художник, сочно и ярко рисовавший

людей, встреченных на жизненном пути» (Филиппов Б.— С. 9).

Прожив на чужбине почти всю свою сознательную жизнь, Г. никогда не терял духовной связи с Россией, оставаясь до конца дней русским патриотом, в то же время он сохранял верность своему гражданскому кредо: «...в моей скитальческой жизни я всегда чувствовал облегчающее душу удовлетворение, что живу именно вне России. Почему? Да потому, что родина без свободы для меня не родина, а свобода без родины хоть и очень тяжела, но все-таки остается свободой» (Конь рыжий. С. 262).

Соч.: Отрочество // Новый ж. 1986. № 164. С. 33–43; Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М., 1990; Дзержинский / предисл. и публ. И. Виноградова // Москва. 1991. № 5. С. 22–65; Азеф: исторический роман. М., 1991; Дзержинский. Начало террора. М., 1991; Ледяной поход: сб. произведений / предисл. П. Горелова. М., 1992; Победа Пастернака // Русское лит. зарубежье. 1993. Вып. 2. С. 125–142; Письма писателям-эмигрантам / публ. В. Крейда // Новый ж. Нью-Йорк. 1995. Кн. 200. С. 278–295; Просьба о предисловии [Из писем М. Горькому / комм. Н. Примочкиной. 1923–1925] // Независимая газ. 1998. 27 марта; Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3 т. М., 2001.

Лит.: Андреев Н. О самом важном // Новый ж. 1973. № 111. С. 84–93; Филиппов Б. Памяти Р. Б. Гуля // Новый ж. 1986. № 164. С. 9–11; Неопубликованные письма М. Цветаевой к Р. Гулю // Новый ж. 1986. № 165. С. 275–290; Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... М., 1990. С. 84–86; Ржевский Л. К вершинам творческого слова. Норвич, 1990. С. 247–252; Глэд Д. Беседы в изгнании // Русское лит. зарубежье. 1991. Вып. 1. С. 39–49; Померанцева Е. С. «Россия... в памяти души и сердца» // Русское лит. зарубежье. 1993. Вып. 2. С. 108–124; Письма К. А. Федина [1925–31] // Только одна человеческая жизнь: Фединские чтения. Саратов, 1993. Вып. 3. С. 117–135; Головенченко С. А. Роман Гуль: [К биографии русского писателя-эмигранта (1896–1986)] // Лит-ра в школе. 1998. № 8. С. 56–61; Литвинов В. Откровения от Гуля // Лит. обозрение. М. 1992. № 7–9. С. 73–76; Коростелев О. А. Роман Гуль. Глазами современников // Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3 т. М., 2001. С. 5–27.

В. Н. Запелалов

ГУМИЛЁВ Николай Степанович [3(15).4.1886, Кронштадт — 25.8.1921, Петроград; место расстрела и захоронения приблизительно около станции Бернгардовка, под Петербургом] — поэт, прозаик, драматург, критик.

Отец, Степан Яковлевич, служил корабельным врачом, был в кругосветных плава-

Н. С. Гумилёв

ниях, его рассказы о путешествиях не могли не возбудить в мальчике интереса к экзотическим странам, как, впрочем, и постоянная близость моря — и в Кронштадте, и в Царском Селе, куда семья переехала еще в младенческую пору будущего поэта, и в Петербурге. Характер отца, волевой, сильный и целеустремленный, отразился на жизненном поведении сына, отважного путешественника, храброго офицера и мастера стиха. От матери, Анны Ивановны, происходившей из старинной дворянской семьи (имение Слепнево Тверской губ.), поэт унаследовал страсть к чтению, а также выдержку, уравновешенность и, что, может быть, особенно важно, любовь к самой жизни, к ее внутренней гармонии. Глубоко религиозный, как и мать, Г., согласно христианской вере, относился к жизни как к священному Божьему дару. Подобное мировосприятие впоследствии своеобразно и опосредованно выразилось в его лит. (акмеистических) убеждениях. Мать Г. была дочерью адмирала И. Л. Львова. Таким образом, у будущего автора **«Капитанов»** и **«Открытия Америки»** существовала вполне «морская генеалогия». Бродяга и путешественник по странам и временам, континентам и эпохам, Г. прославлял в стихах скитальца морей Синдбада, скитальца любви Дон Жуана и скитальца Вселенной Вечного Жиды.

В сознательной памяти поэта Царское Село, куда после отставки отца переехала семья и где прошли почти все гимназические и более поздние годы, сыграло особенную и,

возможно, решающую — душестроительную — роль. В этом «городе муз» (как называли Царское Село, где, по выражению Ахматовой, тогда тоже царскосельской гимназистки, «так много лир повешено на ветках») самый воздух был наэлектризован как бы живым, неисчезающим присутствием Пушкина. Подросток Г. не мог не впитывать неоскудевающие поэтические токи, пронизывающие атмосферу этого священного для русского сердца места; царскосельские парки неизменно напоминали, что по их дорожкам и озерным берегам бродил столетие назад его «ровесник» — лицеист Пушкин. Г. на всю жизнь сохранил уважительно-трепетное отношение к культуре, ее традициям. Когда в революционную пору воцарилось модное ниспровержение кумиров «с парохода современности», он противопоставил модернистскому нигилизму свой акмеизм как оплот общечеловеческой культуры.

Наряду с Царским Селом (где произошла и встреча с гимназисткой Аней Горенко — будущей Ахматовой) значительной вехой стал в жизни Г. и Тифлис (Тбилиси). Этот город возник неожиданно — семья переехала туда на 3 года, спасаясь от опасности туберкулеза, обнаружившегося у одного из детей Гумилевых. В 1900 Г. поступил во 2-ю тифлискую гимназию, а затем из-за казенности атмосферы перешел в 1-ю тифлискую гимназию. Кавказская яркая природа и своеобразный восточный быт произвели на его душу неизгладимое впечатление. Кавказ с его декоративной экзотикой как бы затмил на время и плоский остров Котлин с крепостью Кронштадт посреди Маркизовой Лужи, и Царское Село, этот «игрушечный городок», как называла его Ахматова, и даже блистательный Петербург, оставшийся в памяти бесконечно унылой Лиговской улицей, по которой он ежедневно, с ранцем на спине и с тоскою в сердце, направлялся в гимназию С. Я. Гуревича. Кавказ стал не только утолением жажды по необычному, он резко подтолкнул все душевное развитие гимназиста-поэта, впервые насытив его неумелое и подражательное в те годы поэтическое слово интенсивностью цвета и той орнаментальностью и ориенталистикой, что всегда, как известно, неотрывны от романтизма мироощущения. Учась в тифлиской гимназии, Г. написал немало стихов, правда плохих, и даже составил из них альбом, названный **«Горы и ущелья»** и хранящийся сейчас в Пушкинском Доме в Петербурге. Первая публикация Г. появилась в газ. «Тифлиссский листок» 8 сент. 1902 — стих. **«Я в лес бежал из городов...»**.

В 1903 семья вернулась в Царское Село. Г. поступил в 7-й класс Николаевской Царскосельской гимназии — той самой, где еще директорствовал поэт Иннокентий Анненский, кумир и Г., и особенно Ахматовой. Впоследствии Г. в сб. «**Колчан**» (1916) поместил стих. «**Памяти Анненского**», а в 1905 он подарил Анненскому книгу «**Путь конквистадоров**». В свою очередь Анненский отблагодарил юного поэта, презентовав «Книгу отражений» (1906), а позднее, за подписью И. А., напечатал рецензию на сб. Г. «**Романтические цветы**» (Речь 1908. 15 дек.).

«Путь конквистадоров» — наивная и учебническая книжка, которую впоследствии поэт старался «забыть»: так, например, четвертую по счету книгу «**Чужое небо**» (1912) он назвал третьей, тем самым решительно вычеркнув из собственной лит. биографии свой формальный дебют. Нельзя, однако, сказать, чтобы это издание прошло незамеченным: помимо рецензии С. Ш[тейна] в «Слове» (1906. 21 янв.) появилась заметка мэтра лит-ры В. Брюсова (Весы. 1905. № 11. С. 68), где хотя и отмечались «перепевы и подражания», но все же, как бы авансом, высказывалось и одобрение начинающему поэту. В момент выхода книги Г. был еще гимназистом. В 1906 после окончания гимназии он уезжает в Париж, слушает лекции в Сорбонне, знакомится с поэтами и художниками, издает три номера собственного ж. «Сириус», где печатается и под своей фамилией, и под псевдонимами (К-о, Анатолий Грант). В 1908 выпускает сб. «Романтические цветы», а в 1910 — «**Жемчуга**». В это же время у Г. возникает острый интерес к Востоку, ставший вскоре страстью, лишь отчасти удовлетворенной путешествиями в Африку. Испытывает и острый интерес к оккультизму. Одновременно с работой над стихами, очень тщательной и принесшей несомненные удачи, Г. выступает со статьями и рецензиями. В ж. «Аполлон» Г. вел постоянную рубрику, составившую впоследствии книгу «**Письма о русской поэзии**» (отд. изд. — 1923). В 1911 был создан «Цех поэтов», в 1912 состоялось публичное выступление акмеистической группы (в «Бродячей собаке»), а в 1913 появились манифесты, написанные Г. и С. Городецким. Г. считал, что символизм закончил круг развития, исчерпал свои возможности и что именно акмеизм с его вниманием к вещной конкретности мира, реализмом мироощущения и слова пришел ему на смену. Символизм действительно переживал в то время острый кризис. Брюсов, недавний покровитель Г., отрица-

тельно отнесся к декларациям и к практике акмеистов.

Первой по-настоящему акмеистической книгой в творчестве Г. стало «Чужое небо». Книгу приветствовал М. Кузмин (Аполлон. 1912. № 2. С. 73), Д. Философов (Речь. 1914. 14 марта) и др. Надо учитывать, что акмеизм не был для Г. эстетической прихотью, он был выражением его внутренней, не только художнической, но и человеческой, личностной сути. При всем своем романтизме, преувеличениях и даже риторике (в молодых стихах) он постоянно стремился к достоверности. Другое дело, что достоверность, т. е. сама жизнь, чтобы заслужить честь (именно так происходило это в практике поэта) попасть в его стихи, должна была быть необычной в проявлении какой-то своей высшей степени красоты и силы. Отсюда, кстати, и термин «акмеизм», означающий по-гречески высшую степень чего-либо.

Конечно, такой экспрессивной, яркой действительности Г. вокруг себя — в Петербурге или Царском Селе — не видел. Какой-то другой мир мерещился ему в дальних странах. Особенно в Африке, куда он и поехал — сначала путешественником (сент. 1910 — март 1911), а потом в составе науч. экспедиции Российской академии наук (апр.—авг. 1913). Африку он полюбил на всю жизнь. Надо сказать, что как художника Г. не вдохновляли плоские русские равнины, серенькое небо, желтеющие нивы, воспетые когда-то любимым им Лермонтовым. И это при том, что Г. был патриотом, в годы Первой мировой войны заслужившим два Георгиевских креста и любовь своих однополчан, единодушно отмечавших его храбрость (с 1914 по 1917 Г. находился в действующей армии и в штабе Русского экспедиционного корпуса в Париже). Неотступный интерес Г. к экзотическим странам породил легенду, особенно культивировавшуюся в советское время, о его колониализме, киплингизме и т. п. Некоторые основания, но, правда, чисто внешние, несерьезные, Г. для такой легенды давал: ведь это он, а не критики изобрел для себя маску конквистадора, завоевателя пространств и племен: «Завтра мы встретимся и узнаем, / Кому быть властителем этих мест: / Им помогает черный камень, / Нам — золотой натальный крест...» («**Африканская ночь**»). Когда же Г. стал работать в археологической экспедиции, раскапывавшей древние города, он перестал быть туристом, снял бутафорскую маску и — тотчас переменяли его стихи. В «**Абиссинских песнях**» он с любовью описывает черных туземцев, сострадая их жизни и разделяя их надежды.

Неверна и другая достаточно долго существовавшая легенда — о т. н. шовинизме Г. В патриотических стихах Г. писал о тяготах войны, зная ее, в отличие от официальных трубадуров, не понаслышке. Именно в годы мировой войны родились его замечательные строки: «Словно молоты громовые / Или воды гневных морей, / Золотое сердце России / Мерно бьется в груди моей...» («**Наступление**»). Помимо стихов, кстати немногочисленных, Г. писал в годы войны очерки и корреспонденции («**Записки кавалериста**»), отличавшиеся документальностью и достоверностью. Г. был гусар, любил седло, риск и кавалерийскую атаку. В его военной прозе (даже больше, чем в стихах) чувствуется взгляд, обращенный в сторону другого гусара — Лермонтова, описавшего сражение при Валерике.

Открытых социальных мотивов в творчестве Г. всегда было крайне немного: «Я вежлив с жизнью современной, / Но между нами есть преграда...» («**Я вежлив с жизнью современной...**»). Одним из главнейших требований акмеизма был принципиальный аполитизм — отрешенность от социальных и тем более политических бурь современности. Конечно, подобных бурь никому из акмеистов избежать не удалось, но почти все они — с большим или меньшим успехом — стремились следовать провозглашенному ими принципу «чистого», аполитичного искусства. Правда, не надо забывать, что, обходя прямую политику или социальность, искусство даже тогда, когда оно провозглашает себя таковым, тем не менее воздействует на социальный человеческий мир, хотя и косвенными подчас путями. Так и с Г.

В своем «позднем» творчестве (в «**Заблудившемся трамвае**», 1921, «**Дракон**», 1921, книге «**Огненный столп**», 1921, и др.) Г. с большой худож. силой выразил прозрения и ощущения человека новой «космической эры». В какой-то момент, перед самой гибелью, Г. вдруг ощутил, что его художественная задача, по сути, заключается даже не столько в том, чтобы радостно воспеть те или иные страны, а поэтически и философски осмыслить органическую связь, родство человека с космосом. Его поэтическое мышление становилось планетарным, а гордость конкистадора и завоевателя пространств сменилась сложным, могучим и неизведанным чувством космичности бытия. Нашлась наконец разгадка мучившему его странному и вечно неудовлетворенному желанию найти свою «подлинную» родину, которую он искал то в Африке, то в Сканди-

навии, то в Италии, Испании или Америке и за что его нередко упрекали в недостатке «национального чувства». Как выяснилось из поздних стихов, а также из драматургии («**Гондла**», 1917, «**Отравленная туника**», 1918, и др.) и некоторых суждений, рассыпанных по рецензиям и статьям («Письма о русской поэзии»), он, по-видимому, более или менее отчетливо ощутил, что ему выпала никогда еще не существовавшая в русской поэзии роль певца планеты и человечества как космических явлений. Эти идеи уже жили в воздухе эпохи — они предопределили открытия великих современников Г.: Эйнштейна, создателя теории относительности, Циолковского, взглянувшего на человечество с космической точки зрения, Вернадского, ощутившего планету как целостное и живое, мыслящее явление (теория ноосферы). Чуткий стих Г. принял и закрепил это новое мироощущение в слове и поэтическом образе. В его стихах, в частности, возникло то, что мы сейчас, идя вслед за Вернадским, называем «генетической памятью человечества». Люди, страны, города, цивилизации связаны и породнены у Г. единством изначального происхождения, тянущегося из непроглядной тьмы веков и тысячелетий. Г. был верующим, религиозным человеком и угаданную им первопричину назвал Богом. «Понял теперь я: наша свобода / Только оттуда бьющий свет, / Люди и тени стоят у входа / В зоологический сад планет...» («**Заблудившийся трамвай**»). Так недавний конкистадор стал апостолом человеческого братства. «Сумасшедшие» идеи науки, как правило, бывают родственны «сумасшедшим наитиям» поэзии. И наоборот. Вот почему в «Заблудившемся трамвае» Г. так свободно перемежает в одном миге своей жизни разные времена и разные страны. Он задумывает грандиозную философско-поэтическую эпопею, где собирается показать мир со дня его сотворения до возникновения цивилизаций. Перед гибелью он успел лишь написать первую поэму из задуманных двенадцати — «Поэма начала. Книга первая. Дракон». То должен был быть своеобразный эпос, напоминающий библейский. В «Поэме начала» Г. с какой-то исключительной, завораживающей, гипнотической живописностью, яркостью и экспрессией показал тот темный «прахаос», который породил огромное «прачудовище» — Дракона, объемлющего всю Землю, подобно некоей первобытной живой массе, еще не выделившей из себя человеческий разум. И рядом с Драконом поставил хрупкую, но победную фигуру человека,

победившего при своем появлении бессмысленный хаос силою пробудившейся мысли. В изображении Г. этот человек подобен все-сильному магу, прочитавшему по узорам драконовой чешуи заветный «код жизни». «Код» этот умещается лишь в одном слове — «ОМ» (у индейцев означает — благословение). При его произнесении издыхает Драк-кон и вступает в свои права человеческая жизнь: В начале было Слово.

Г. по своему мироощущению и своеобразию духовной жизни был человеком и художником XX столетия. В то же время он, как и его сподвижники по акмеизму, в особенности Ахматова и Мандельштам, продолжил в своем творчестве важнейшие заветы классической русской поэзии, учитывая и мировой опыт искусства своего века. Г. была свойственна строгость, неукоснительная выверенность и чистота поэтической формы, он был дисциплинирован даже тогда, когда таил в себе нежность и трепетную мелодию чувства, напряженность страсти и патетику. В несуетности стиха, в стремлении к высшему совершенству худож. слова, в чистоте линий и ясности поэтического языка Г.— прямой наследник русской классической поэзии.

Соч.: СС: в 4 т. Вашингтон, 1962–68; Неизданные стихотворения и письма. Париж, 1980; Стих. и поэмы / вступ. статья А. Павловского; биограф. очерк В. В. Карпова; сост., подгот. текста, примеч. М. Эльзона. Л., 1988. (Б-ка поэта. Б. серия); Стихотворения и поэмы / вступ. статья Н. Н. Скатова, сост., комм. М. Д. Эльзона. М., 1989; Драматические произведения: переводы, статьи. / сост., вступ. статья Д. И. Золотницкого, прим. Д. И. Золотницкого и М. Д. Эльзона. Л., 1990; Письма о русской поэзии. М., 1990; Соч.: в 3 т. М., 1991; Капитаны: стих., поэмы / вступ. статья, сост., прим. А. И. Павловского. Нижний Новгород, 1991; ПСС: в 10 т. Т. 1–5. М.: Воскресенье, 1998–2004.

Лит.: Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. М., 1990; Эйхенбаум Б. О лит-ре. М., 1987; Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. Теория лит-ры. Поэтика. Стилистика. Л., 1977; Павловский А. Николай Гумилев // Вопр. лит-ры. 1986. № 10; Лукницкая В. Н. Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990; Тименчик Р. По делу № 214224 // Даугава. 1990. № 8; Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991; Слободнюк С. Л. Н. С. Гумилев: Проблемы мировоззрения и поэтики. Душанбе, 1992; Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1994; Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1995. Оцуп Н. Николай Гумилев: Жизнь и творчество. СПб., 1995; Зобнин Ю. Н. Гумилев — поэт Православия. СПб., 2000.

А. И. Павловский

Л. И. Гумилевский

ГУМИЛЕВСКИЙ Лев Иванович [17.2(1.3).1890, Аткарс — 29.12.1976, Москва] — прозаик.

Г. родился в многодетной семье казначейского чиновника, рано умершего. Окончив начальное 3-классное училище, Г. поступил в саратовскую гимназию, где за счет «казенной благотворительности» окончил курс в 1909 и был принят на юридический ф-т Казанского ун-та. В ун-те Г. проучился 2 года и был отчислен за неуплату денег за обучение. После этого Г. проучился 4 семестра на саратовских Высших сельскохозяйственных курсах, на чем и завершил свое образование.

Первые стихи Г. начали появляться в саратовских газ. и петербургских массовых ж. с начала 1910-х, а в 1910 в Саратове вышла первая книга Г. **«Избранные стихотворения»**. Стихи начинающего поэта были не оригинальны ни по темам, ни по их воплощению; тем не менее стихи появились в петербургском коллективном сб. «Свежие силы» (1914. № 1), одно стих. Г. попало в вышедший в 1918 в Томске третий альм. молодой поэзии «Свирель». Продолжая писать стихи, Г. в основном перешел на прозу, и в печати начали появляться его рассказы.

Первое значительное выступление Г. в этом жанре состоялось в ж. «Просвещение» (1914. № 1), где был напечатан его рассказ **«В литейной»**. В 1914–15 стихи и рассказы